

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Екатерины Евгеньевны Ивановой

«Инструменты ордынского господства над Русью», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности

5.6.1. Отечественная история

Диссертация Е.Е. Ивановой является квалифицированным исследованием, задача которого состоит в комплексном изучении сложившейся в XIII системы зависимости русских земель от улуса Джучи и ее эволюции в XIV–XV столетиях. Актуальность темы диссертации, о чем пишет и сама соискатель (с. 4–5), очевидна. Во вводной части диссертант подчеркивает, что в основу ее исследования положены принципы историзма и системности, которые выражаются в научной критике источника, анализе изучаемых явлений на длительном хронологическом промежутке времени, что позволяет сосредоточить внимание на явлениях, бытовавших и эволюционировавших на протяжении столетий. Введение содержит структурные компоненты, обязательные для диссертационных исследований. Здесь дан обстоятельный историографический анализ литературы по проблеме исследования. Историография представлена не только по основным этапам развития исторической науки, но и по направлениям, что дает возможность оценить полноту разработки актуальных для исследования проблем в трудах предшественников.

Исходя из поистине необъятной историографии проблемы диссертант избрала единственно верный подход к ее анализу: во введении Е.Е. Иванова представила основные этапы и достижения в изучении русско-ордынских отношений в российской исторической науке с середины XVIII до начала XXI столетия (с. 8–17), а дальнейшее изложение историографии в диссертации осуществлено по проблемно-тематическому принципу. Во введении диссертант констатирует смену исследовательских ориентиров от преимущественно обобщенных характеристик форм зависимости у

дореволюционных историков до стремления конкретизировать эти формы и степень зависимости у историков второй половины XX–начала XXI в. Опираясь на работы своих предшественников, диссертант верно выделяет диаметрально противоположные подходы к определению степени зависимости у, условно говоря, славяноведов, и тюркологов. С точки зрения первых Русь и Орда представляли собой самодовлеющие цивилизационные феномены, хотя и связанные неравноправными отношениями сюзеренитета-вассалитета. С точки зрения вторых, это был симбиоз кочевого и оседлого сообществ, причем северо-восточная Русь была «улусом» Орды. Диссертант детально характеризует тематику этих исследований, значительная часть которых носит источниковедческий характер.

Представленная источниковая база исследования репрезентативна и разнообразна, что открывает большие возможности для решения поставленных научных задач. Эти материалы позволяют поднять изучение избранной Ивановой темы на новый уровень и выявить ряд моментов, ранее неизвестных исследователям русско-ордынских отношений (с. 21–35).

Работа обладает несомненной научной новизной. Первая глава диссертации (с. 36–50) представляет собой обзор исследований по истории системы управления подданными в суперсложном вожестве Чингис-хана и последующих государственно-племенных образованиях степных народов. Справедливо отмечен эталонный характер исследований тюркологов, в поле зрения которых находятся процедуры поземельного описания и собственно составления кадастра на территориях, находившихся в подданстве у кочевников. Аргументирован вывод диссертанта о том, что на покоренных территориях монголами реализовывались два основных принципа управления: прямое посредством оккупации и дистанционное с опорой на местных правителей (с. 46–47).

Вторая глава диссертации (с. 51–110) посвящена исследованию политических инструментов монгольского владычества. Впечатляюще

выглядит мартиролог убитых в Орде по приказанию ханов русских князей (с. 67–68). Заслуживает внимания пересмотр автором устоявшегося в историографии мнения об обязательности присяг русских князей на верность ханам после смены власти в Орде (с. 82–83). Исследователь акцентирует внимание на возможном содержании ханских ярлыков русским князьям. Ее реконструкция ханских ярлыков должна быть признана весьма перспективной, ибо в тексте ярлыков, скорее всего, должен был содержаться перечень подвластных князю территорий, и, возможно, указывалось имя наследника получателя. Упоминание в договорной грамоте 1448 г. ярлыков на Нижегородское княжение с городами Суздаль, Нижний Новгород и Городец является убедительным тому подтверждением (с. 85–86).

Следует согласиться с Е.Е. Ивановой в том, что термины «баскак» и «даруга» обозначали разных чиновников, причем вторые сменили первых во второй половине XIV в. Коль скоро баскаки обладали большим количеством функций, нежели даруги, это свидетельствует о сокращении контрольных функций ордынской администрации на Руси, как справедливо полагает диссертант (с. 95, 238). Не лишено вероятности предположение диссертанта о том, что киличи исполняли функции княжеских послов в сношениях с Ордой, а рекрутировались они, по меньшей мере частично, из состава населения степных окраин, как тюркского, так и угро-финского, о чем свидетельствуют имена многих из них (Мокшей) (с. 94–98).

Заслуживают внимания наблюдения Е.Е. Ивановой над летописными сообщениями о ханском арбитраже в конфликтах между князьями (с. 99–101). Автор отмечает ограниченное количество случаев пребывания русских князей в Орде в качестве заложников, что, безусловно, свидетельствует о предпочтении захватчиками прямого военно-контрибутивного давления на русские земли (с. 101–103). Согласно наблюдения диссертанта, из пяти династических браков между русскими князьями и представительницами ордынской элиты, четыре брака были заключены князьями ростовско-

белозерской ветви всеволодичей и вошедшим в состав их рода князем Федором Ростиславичем (с. 104–106). Автор справедливо делает вывод о предпочтительном для ханов порядке прямого вмешательства в дело распределения княжеских столов на Руси.

Третья, пожалуй, наиболее информативная и новаторская глава диссертации (с. 111–186) посвящена фискально-хозяйственным инструментам ордынского господства на Руси. Детально проанализирована историография проблемы; высказаны верные замечания о ценности исследований и наблюдений историков (с. 111–121). Диссертант обстоятельно разобрала суждения исследователей и показания источников о размерах ордынской дани (с. 121–124). Соискатель обратила внимание на важнейший аспект труда А.Н. Насонова, касающийся двух основных периодов взимания дани: сбора дани самими ордынцами с опорой на баскаческую систему и самостоятельного взимания дани русскими князьями. В историографии активно велась и до настоящего времени продолжается дискуссия о том, с какого времени – великого княжения Михаила Тверского, или великого княжения Ивана Калиты – русские князья взимали дань в пользу Орды самостоятельно, что представлено во втором параграфе (с. 132).

Показано разнообразие мнений историков о системе взимания дани, в том числе предоставления льгот и наложения дополнительных обременений (с. 130–143). Скрупулезно и тщательно проработана диссертантом проблема первых десятилетий ордынского господства и проведения так называемых переписей. Оправданным представляется вывод автора об изменениях в системе взимания налогов в 1250-х гг. (с. 143–153). Параграф 3 посвящен системе сбора дани, реконструированной по материалам, главным образом, второй половины XIV–XV в. К сожалению, диссертант пишет лишь о втором периоде взимания дани: под эгидой князей, из казны которых дань передавалась в Орду (с. 158–159). Полагаем, что должный результат получен в параграфе 4 главы 3, который посвящен налогоплательщикам и

налогооблагаемой базе. Диссертант приняла логичное и простое объяснение принципа «посильности» налогообложения на Руси (с. 161).

Продуктивным представляется использованный автором метод сравнения понятий «дань», «выход» и «харадж» (с. 164–172). Это дает основание утверждать, что, как полагает С.М. Каштанов, понятие «дань» поглощало понятие «выхода», и последний входил в состав дани. К тем же выводам подводит и анализ договорных и духовных грамот великих князей, а также княжеских жалованных грамот церковно-монастырским корпорациям и светским землевладельцам: в первых дань и выход разграничиваются, а во вторых выход не упоминается (с. 165–167, 185). Подробному анализу подвергнут такой косвенный налог, как тамга, которому предстояло стать ключевым фискальным инструментом Русского государства в XVI–XVII вв. (с. 173–177). Принципиальное значение имеет параграф, посвященный инструментам регулирования экономической политики Орды (с. 181–185).

Глава 4 посвящена военным инструментам ордынского господства (с. 187–226). Справедливо указано, что вопрос об использовании ратей как инструмента поддержания господства и оценке эффективности его использования на Руси в историографии не ставился (с. 192). В диссертации предпринята попытка комплексного исследования всех упомянутых в летописях набегов и походов номадов на Русь; география набегов простирается от Галицко-Волынской земли до княжеств Северо-восточной Руси, включая отдаленную Кострому (с. 193–217). Обоснован вывод автора о резком сокращении числа инициированных князьями набегов ордынцев с 1360-х гг. К числу безусловных удач диссертанта следует отнести обоснованный вывод об отсутствии внятных свидетельств о рекрутском призыве русских воинов на военную службу. Подробно рассмотрен недостаточно изученный аспект участия князей в походах Орды далеко за пределами Руси (с. 223–234). Интересно наблюдение об использовании монголами пленных в качестве «живого щита».

В Заключении (с. 235–244) подведены итоги исследования, намечены перспективные пути изучения источников. В целом, представленная диссертация восполняет существенный пробел в историографии, представляя собой комплексное исследование системы ордынского господства на Руси. Достоверность и обоснованность результатов исследования достигнута через реализацию в диссертации принципов историзма, научной объективности, системности.

Работа столь значительного хронологического охвата не может быть свободна от недостатков, которые суммированы нами в ряде замечаний. Во-первых, диссертант избрала спорную методологическую основу для характеристики социально-политических образований кочевников Евразии, сетуя, при этом, что «в политологических трудах нет единого мнения относительно характерных черт разных форм организации государственной власти и способах ее реализации в рамках конкретной формы, присутствует терминологическая неопределенность» (с. 48). В современной российской антропологии разработана и фундаментально обоснована академиком Н.Н. Крадиным теория «суперсложного вожества» как особой формы социально-политической организации кочевников, не встречающейся у оседлых земледельческих народов, которая нашла отражение в его учебнике «Политическая антропология». В случае несогласия диссертанта с концепцией Крадина крайне желательно было бы обозначить спорные для соискателя тезисы данной концепции.

Во-вторых, диссертант вряд ли права в том, что во второй половине XIII–первой половине XIV в. сформировалась «русская политическая традиция» в наследовании владимирского великокняжеского стола. Борьба за власть в кругу наследников Ярослава Всеволодовича, Александра Невского, Андрея Александровича свидетельствует о том, что в это время такая традиция лишь начала формироваться (с. 99, 107). Принципы наследования великокняжеского стола сформировались не ранее 1389 г.

Главное же, принципиальное замечание к диссертации состоит в следующем. В параграфе 3 главы 2 (с. 87–98) не оказалось места для исследования такого хорошо известного в историографии представителя Орды на Руси, как «бакаул». Впервые вошедшее в научный оборот после публикации жалованной грамоты ярославского кн. Василия Спасо-Ярославскому монастырю 1320-х гг., слово «бегоуль» (бакаул) было известно как обозначение ордынского должностного лица Н.М. Карамзину, академику И.И. Срезневскому, М. Фасмеру, а авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» дали его определение, опираясь еще и на два акта Михаило-Архангельского великоустюжского монастыря. М.С. Черкасова дала первый в науке развернутый анализ возможных функций этого должностного лица в статье во «Вспомогательных исторических дисциплинах». В.А. Аракчеев ввел в научный оборот факты упоминания этих должностных лиц еще в двух актах XV–XVI вв., которые были опубликованы им в журнале «Российская история» и монографии.

Вся эта немаловажная часть достижений современной исторической науки не нашла отражения в диссертации. Диссертант ограничилась сопоставлением данных о баскаках, даругах и киличаях, что представляет определенную ценность (с. 87–98). Но гораздо важнее было бы отметить и, самое главное, попытаться объяснить региональные отличия в размещении должностных лиц Орды на территории Руси. Концентрация бегоулей (бакаулов) в грамотах, относящихся к Ярославлю и Великому Устюгу, заставляет предполагать, что именно на этих территориях установился наиболее жесткий административный режим, связанный с деятельностью князя Федора Ростиславича Черного. В контексте заимствования и трансформации в русском языке слова «бакаул» мало вероятными представляются предположения А.Е. Преснякова, Г.В. Вернадского и А.П. Григорьева о размещении татарских отрядов в русских землях. Напротив, весьма правдоподобной выглядит гипотеза А.Н. Насонова о рекрутировании

рядового состава отрядов при баскаках из местного населения и размещении таких отрядов в отдельных русских городах, по крайней мере, во второй половине XIII в. Следовательно, спорным представляется один из тезисов, «Основных положений, вынесенных на защиту»: «Татарская администрация на территориях русских земель присутствовала ограниченно (баскаки и киличи), сбор налогов контролировался на протяжении всего периода зависимости (баскаки и даруги)» (с. 19). Справедливости ради следует отметить, что вышеописанные открытия остались незамеченными в современной историографии ордынского владычества на Руси, которую отличает определенная ангажированность и некоторая поверхностность.

Отмеченные замечания носят рекомендательный или дискуссионный характер и не снижают значения настоящего исследования и его положительной оценки. Диссертант со знанием дела осуществила комплексный анализ источников, так, что большинство из них получили объективную оценку. За формулами документов автору удалось разглядеть акторов в их «человеческом измерении», более или менее убедительно реконструируя формы и методы ордынского господства на Руси. Наиболее подкупающей положительной чертой диссертации следует признать изучение и демонстрацию впечатляющего объема источников XIII–XV вв. по теме. Работа диссертанта стала результатом многолетнего кропотливого труда, результаты которого представлены на страницах отвечающих квалификационным требованиям к диссертациям статей.

Диссертация Е.Е. Ивановой отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о

совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Иванова Екатерина Евгеньевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент, директор ФКУ «Российский государственный архив древних актов», ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Аракчеев Владимир Анатольевич

Контактные данные:

тел.: +7-905-780-68-43, e-mail: arakk@rambler.ru 8 (499) 246-50-91

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 119435, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д.17

Тел.: +7-905-780-68-43, e-mail: rgada@mail.ru 8 (499) 246-50-91

Подпись Аракчеева В.А. заверяю:

